

Алгоритм. 2003. Апрель (№13). - с.12.

Пифагорейские радости 39**Концерт памяти С. Прокофьева. Симфоническая капелла под управлением В. Полянского.****Дирижёр Г. Рождественский, солистка В. Постникова. Большой зал консерватории**

НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ЗАЛА консерватории в мартовские дни прошли концерты нечасто появляющихся на московской публике и ведущих в основном заморскую гастрольную жизнь дирижёра Геннадия Рождественского и пианистки Виктории Постниковой. Супруги в два вечера исполнили все пять концертов для фортепиано с оркестром Сергея Прокофьева. Такое редкое репертуарное событие было из какой-то просто-таки пифагорейской любви у нас к разным цифрам приурочено к круглой дате, имеющей отношение не к жизни, а к смерти Прокофьева – 50 лет.

На сцене выступал родной оркестр Рождественского – ныне Симфоническая капелла под управлением В. Полянского. Царила атмосфера праздничной встречи, подпорченная сначала видом полупустого партера и амфитеатра. Однако творческий дуэт довольно быстро овладел аудиторией – если и не в Первом концерте, прозвучавшем как-то непривычно тяжело, словно ворочающем звуки-глыбы, то уже в леворучном Четвертом, исполненном с подавляющей пианистической энергией и невероятной плотностью звука. Этот раритетный концерт, написанный для одной руки и хранившийся "за семью печатями" у австрийского пианиста-инвалида Витгенштейна, был открыт в своё время для русской аудитории самим

Рождественским. Даже Прокофьев не слышал его при своей жизни. Да и сегодня нечасто выпадает такой случай, ведь исполнение концерта требует выносливости и особого качества звука. Постниковой поддалась не только многозвучная фактура рояля, но, казалось, и сам оркестр, выступивший здесь в роли её внимательного кавалера. Рождественский аккуратно вёл пианистку, учитывая тончайшие нюансы её игры – и мощные аккордовые подъёмы, словно вжимающие звуки в рояль, и

скользящие невесомые пассажи, и бесподобные, истаявшие на каком-то нереальном пиано, прозрачные звучности. Блеск и ум, расчёт и вызов равно сочетались в её игре.

Рождественскому досталась роль приятного во всех отношениях партнёра. Он и пританцовывал, подбоченясь, в ритмически подковыристых эпизодах партитуры, и точно стрелял глазами в сторону рояля, перехватывая каждый брошенный оттуда, словно мяч, звук, и сливался с роялем в волшебных эффектах пиано, достигая какой-то рассеянной, подобно свету, звучности; наконец, фирменным воздушным жестом внезапно обрывал всех в блестящих, как сталь, прокофьевских концовках. Триумфальная победа над залом была одержана. Прокофьев остался бы доволен.

Ирина Муравьева